

Д. В. КОНКИН

ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВАКУФАМИ В КРЫМУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вакуф – неотчуждаемое имущество, вид мусульманской благотворительности, в результате которого учредитель вакуфа навечно передавал свою бесспорную собственность на определенные, как правило, религиозные цели [1, с. 45; 2, с. 390, 391; 3, с. 485, 486].

Традиционно исследователи выделяют две основные разновидности вакуфа. Это так называемый *wakf khayrī*, в российское имперское законодательство вошедший под названием «духовный вакуф», и *wakf ahli* – в российских законах он стал называться «частным» вакуфом. Духовный вакуф полностью контролировался мусульманским духовенством, которое осуществляло наблюдение за добросовестным соблюдением условий посвящения вакуфа. Частный вакуф – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле, доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роде посвяtitеля.

Целью статьи является реконструкция общественно-политических взглядов на проблему реформирования управления вакуфными имуществами в Крыму в начале XX в. Для достижения цели необходимо рассмотреть различные точки зрения заинтересованных сторон на указанную проблему, проследить и оценить правительственные действия, направленные на изучение и решение вакуфного вопроса, а также проанализировать предложенные проекты по преобразованию данного института. Актуальность настоящей работы обусловлена, прежде всего, остротой современной ситуации в сфере земельных отношений в Крыму и все возрастающей ролью религии и религиозных организаций в жизни общества¹.

Отдельные эпизоды, связанные с проблемой вакуфов в Крыму в конце XIX – начале XX вв., изучались и упоминались некоторыми современными исследователями. Так, различные моменты общественно-политической жизни крымских татар,

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить М. А. Араджиони (г. Симферополь) за оказанную помощь в процессе подготовки окончательного варианта статьи.

включая и вопросы преобразования вакуфного управления, рассматривались в работах В. Ю. Ганкевича [4, с. 106-107; 5, с. 38-40], а также в совместных монографиях В.Ю. Ганкевича и С. П. Шендриковой [6], А. В. Тимощука и П. Е. Тарана [7, с. 84-94, 102-104, 114-115]. Обзор публикаций о вакуфах на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» был проведен З. З. Абдуллаевой [8]. Позиции И. Гаспринского на будущее вакуфов, в контексте происходивших в начале XX в. эмиграционных процессов среди крымских татар, касалась в своей статье Д. И. Абибуллаева [9]. Тем не менее, целенаправленно данная тема не освещалась в отечественной науке, поэтому представленная публикация позволит отчасти заполнить имеющийся пробел.

Как известно, вакуфы в Крыму получили повсеместное распространение в период Крымского ханства. После 1783 г. этот мусульманский институт был сохранен на территории полуострова и позднее получил законодательное оформление в российских юридических кодексах. К концу XIX в. управление вакуфами было сосредоточено в учрежденной в 1885 г. «Особой Комиссии о вакуфах» (далее – ОКоВ), находившейся в подчинении Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД). Комиссия изначально имела временный статус (3 года), но в силу различных причин продолжала действовать и в XX в.

В общих чертах структура вакуфных владений в Крыму и механизм по их эксплуатации в конце XIX в. выглядели следующим образом.

Частные вакуфы продолжали находиться в пользовании тех крымскотатарских родов, за которыми они были закреплены в момент их учреждения. ОКоВ, после завершения работы по учету данного вида имущества и определению его статуса, стала выполнять в отношении частных вакуфов исключительно надзорные функции, контролируя, чтобы они, в случае полного пресечения рода – пользователя вакуфом, не переходили в посторонние руки, а поступали в распоряжения казны, как это было предусмотрено российским законодательством [10, с. 451].

Более широкие полномочия ОКоВ имела в отношении **духовных вакуфов**.

Духовновакуфные имущества Крыма в конце XIX в. состояли из объектов недвижимости и капиталов. Все они делились на две большие группы: 1) принадлежавшие действующим мусульманским учреждениям (мечетям, мектебе, медресе) – т.н. «существующие мусульманские установления»; 2) принадлежавшие мусульманским учреждениям, прекратившим свое функционирование (т.н. «упраздненные мусульманские установления»).

К объектам недвижимости относились вакуфные земли, в большинстве своем находившиеся в сельской местности, и различного рода городские постройки – торговые лавки, общественные фонтаны и т.п.

Вакуфы действующих мечетей, учебных заведений, находились в непосредственном управлении соответствующего мусульманского духовенства этих учреждений. Надзорно-хозяйственной деятельностью в отношении вакуфных имуществ и функциями по распределению доходов от них занималось специально назначенное лицо – мутевелли [11]. Как правило, мутевелли становился духовный глава уч-

реждения, в пользу которого был завещан вакуф, или же человек, получивший положительную рекомендацию мусульманского духовенства конкретного прихода, за которым был закреплен вакуф. Должность мутевелли не была зафиксирована официально в российском законодательстве, но неофициальные правила, связанные с этой традицией, неизменно выполнялись практически. Мечетские служители могли напрямую пользоваться вакуфами (например, самостоятельно возделывать землю, ухаживать за садом, собирая ежегодный урожай), в противном случае вакуфное имущество передавалось в аренду посторонним лицам, с тем, чтобы вырученные деньги использовались согласно предназначению вакуфа. Срок аренды не должен был превышать 3-х лет, а условия арендного договора должны были согласовываться в ОКоВ [12, п. 2; 13, с. 2]. Духовные лица несли ответственность за уплату всех необходимых налогов и сборов, выпадавших на закрепленный за ними вакуф [12, п. 3; 13, с. 3].

На вакуфных землях действовавших мечетей могли быть поселены по соглашению сторон безземельные крымские татары. В этом случае крестьяне несли повинности в пользу духовенства в виде доли урожая или определенной платы за пользование выгонами для домашних животных [12, п. 7; 13, с. 5]. Размер таких повинностей определялся частным образом на добровольной основе, и, как правило, не был большим, поскольку крымские татары, поселенные на вакуфной земле, являлись прихожанами той же мечети, в пользу которой данный вакуф был завещан. Следовательно, как часть местной общины такие поселенцы могли оказывать прямое воздействие на решения духовенства своего прихода и ограничивать возможное завышение платы за пользование вакуфной землей.

Вакуфная недвижимость «упраздненных мусульманских установлений» находилась в прямом подчинении ОКоВ. В обязанность Комиссии входила задача ежегодного извлечения из этого имущества максимально возможного дохода, который пополнял денежный фонд упраздненных мечетей [12, п. 10; 13, с. 7]. Выполнялась данная задача путем передачи земель и другой вакуфной недвижимости в арендное содержание третьим лицам (без различия их вероисповедания и национальности). Арендатор определялся с помощью прозрачных открытых торгов, процедура которых была тщательно выписана. Срок арендного договора, как правило, ограничивался 3 годами, с возможностью его продления при взаимной заинтересованности участников сделки.

Если вакуфы «упраздненных мусульманских установлений» передавались в аренду безземельным крымским татарам, то процедура торгов могла не проводиться [12, п. 10; 13, с. 7-8]. Срок аренды в таком случае так же составлял 3 года, но с правом продления на 12 лет, а арендная плата насчитывала минимальную сумму от 1,5 до 3 рублей [14, л. 4].

Все доходы, полученные в результате эксплуатации вакуфной недвижимости мусульманских учреждений, прекративших свое функционирование, Комиссия в обязательном порядке направляла на счет особого депозита, хранившегося в Таврическом губернском казначействе [12, п. 14; 13, с. 9-10].

Этот денежный фонд постоянно пополнялся, и из него производились различного рода выплаты как на текущие нужды мусульманской общины Крыма, так напрямую и не связанные с благотворительными расходами. Например, из этого фонда финансировалось содержание самой «Особой Комиссии о вакуфах» Таврического магометанского духовного правления (далее – ТМДП). Все свободные от текущих расходов капиталы фонда «упраздненных мусульманских установлений» обращались ОКоВ в государственные процентные бумаги или же размещались в государственных кредитных учреждениях, что способствовало их стабильному наращиванию и гарантировало от неприятностей, свойственных частным финансовым структурам.

Еще один депозит Комиссии, хранившийся в губернском казначействе, состоял из капиталов «существующих мусульманских установлений». Они также обращались в государственные процентные бумаги. Функции ОКоВ в отношении этих средств ограничивались ежегодным распределением начисляемых процентов соответствующему мусульманскому учреждению («по принадлежности») [12, п. 9; 13, с. 6-7].

Благодаря активной деятельности Комиссии по управлению вакуфным имуществом общий вакуфный капитал постоянно и достаточно быстро увеличивался и к 22 августа 1900 года насчитывал 461 195 руб. 50 коп. [14, л. 34]. Отметим, что вакуфные капиталы, переданные в 1886 году в распоряжение ОКоВ, составляли всего 71 888 руб. 89 коп. [15, л. 872].

Несмотря на внешнюю успешность Комиссии в выполнении задач по учету и администрированию вакуфного имущества, внутри крымского социума (причем не только мусульманской его части) работа ОКоВ давно уже подвергалась настойчивой критике. Раздражало местных общественных активистов, прежде всего, то обстоятельство, что ОКоВ значительную часть средств, получаемых от эксплуатации вакуфов, накапливала на депозитах, вместо того, чтобы направить их на первоочередные, с их точки зрения, нужды крымскотатарского народа. Здесь высказывались различные точки зрения в отношении дальнейшей судьбы вакуфных имуществ. Причем происходивший обмен мнениями накладывался в наступавшем XX веке на такое драматическое событие, как новая эмиграционная волна крымских татар, отчетливо проявившаяся уже к началу 1901 года [16, с. 173]. Обсуждение причин начавшейся эмиграции, предложения по ее остановке стали лейтмотивом развернувшегося вакуфного дискурса.

Важным коммуникатором настроений местной городской «читающей публики» (с большим процентом аутентичности) являлась пресса. Различного рода вопросы, связанные с вакуфами, работой ОКоВ последовательно рассматривались в крымских периодических изданиях («Крымский вестник», «Переводчик-Терджиман», «Вестник Таврического земства», «Таврические губернские ведомости», «Южные записки», «Салгир», «Крым» и др.). Так, практически с первого номера бахчисарайской газеты «Переводчик-Терджиман» вакуфная тема стала объектом пристального внимания ее корреспондентов [8, с. 7-10]. Сам редактор-издатель газеты И. Гаспринский еще в 1890 г. высказывался за передачу управле-

ния духовными вакуфами в ТМДП, но при условии, «если предварительно само это Правление будет преобразовано и поставлено на уровень требований своих задач» [17]. Начиная с 1901 года, И. Гаспринский опубликовал ряд статей об активизировавшихся эмиграционных процессах на полуострове, которые, конечно, не могли его не волновать [9, с. 5-8]. Одной из причин эмиграции крымских татар И. Гаспринский называл неустроенность «вакуфного дела» в Крыму. Об этом он высказался в своем выступлении на дворянском собрании Таврической губернии, состоявшемся в январе 1903 года. В результате собранием единогласно была одобрена резолюция о мерах к пресечению эмиграции, в которой, между прочим, звучала просьба к императору «ускорить разрешение вакуфного дела, согласно шариата и современных нужд населения...» [18; цит. по: 9, с. 7-8].

Значительную часть своих «Крымских писем», публиковавшихся в начале XX в. в бакинской газете «Каспий», посвятил освещению вакуфной проблемы другой известный представитель крымскотатарского народа А. Медиев [19]. Так, он информировал своих читателей о предложениях таврических земских деятелей, общественных активистов использовать вакуфные земли, капиталы для решения первоочередных проблем крымских мусульман. Важнейшие из которых: обезземеливание и, как следствие, эмиграция крымских татар [19, с. 34], реформирование мусульманской образовательной системы [19, с. 31]. Сам А. Медиев предлагал часть вакуфных средств направить на профилактику туберкулеза среди крымских татар, особенно в мусульманских конфессиональных учебных заведениях [19, с. 12]. Весьма сочувственно относился А. Медиев к предложению таврических земцев расформировать «Вакуфную Комиссию» и переложить функции по управлению вакуфами на ТМДП [19, с. 47-49].

Необходимо отметить, что идея закрытия ОКоВ была актуальной и пользовалась популярностью в крымском сообществе, что также находило отражение в газетных публикациях. Например, в январском номере от 1902 г. севастопольского «Крымского вестника» указывалось, что ОКоВ уже выполнила свою задачу – составила «новую опись» крымским вакуфам. Новая же цель – передача вакуфов в арендное содержание безземельным крымским татарам – несоизмерима с расходами Комиссии, которые за 17 лет ее существования превысили уже 300 000 рублей [20].

В схожем духе оценивал ситуацию симферопольский корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» [21]. Он отмечал, что когда ОКоВ была учреждена, то крымские татары позитивно восприняли это события, надеясь, что в вакуфной сфере будет наведен порядок. В целом, задача Комиссии была выполнена еще в 1893 году, и дальнейшее ее существование, по мнению мусульман Крыма, являлось нецелесообразным. Также автор заметки сообщал о «недавно прошедшем в Симферополе» Таврическом губернском собрании, которое ходатайствовало о возврате вакуфного имущества «на первоначальные цели», то есть «на удовлетворение религиозных и образовательных нужд народа» [21]. Таким образом, существование Комиссии признавалось «излишним». Вместо нее собрание предлагало сосредоточить управление

вакуфами в особом органе при ТМДП, в составе авторитетных мусульманских духовных лиц, а также представителей таврического земства и дворян [21].

Присоединилось к критике ОКоВ и местное начальство. Например, новоназначенный в 1902 г. таврический губернатор В. Ф. Трепов (один из четырех сыновей петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, оставивших заметный след в истории Российской империи конца XIX – начала XX вв.) был возмущен, что Комиссия подчинена напрямую МВД, минуя местную администрацию («...единственное учреждение ведомства МВД, действующее в губернии, но не подчиненное местному губернатору...»). «Такая ситуация закрепляется на будущее время и в проекте учреждения в Симферополе «Управления духовными вакуфами Крыма». Это ненормально», – писал губернатор [14, л. 116]. И предлагал передать управление вакуфами в администрацию Таврической губернии [14, л. 117]. Как видно, критика его имела главным образом институциональный характер и отчасти перекликалась с критикой, высказанной в 1888 г. другим таврическим губернатором А. Н. Всеволожским, по поводу недостаточной степени координации действий Комиссии с местной администрацией [15, л. 133, 133 об., 136]. Содержательной части вакуфного вопроса (возврат к традиционному управлению имуществом), В. Ф. Трепов не касался, что и не удивительно, поскольку сложно было ожидать уступок в конфессиональной сфере от человека, известного своими крайне правыми убеждениями [22, с. 71-74]. Тем не менее, правые взгляды не помешали губернатору признать российское правительство ответственным за развернувшуюся эмиграцию крымских татар и, в частности, осудить тех чиновников Таврической губернии, которые поощряли данный процесс [9, с. 5].

Постоянными участниками обсуждения и проектирования управления вакуфными имуществами Крыма являлись общественные организации (земства, различного рода уездные комитеты, благотворительные фонды).

Так, неоднократно публично высказывался в отношении вакуфной проблемы известный российский специалист в агропромышленной отрасли [23, с. 911], а также активный член таврического земства М. В. Неручев [24; 25, с. 213; 26]. Он поддерживал идею правительства о наделении безземельных крымских татар участками из фонда вакуфов «упраздненных мусульманских учреждений». Но не останавливался на этом, а предлагал еще задействовать и капитал, образовавшийся от эксплуатации вакуфных земель (по его подсчетам, более 50 000 рублей ежегодно), который «мог бы послужить своего рода мелиоративным фондом или источником средств для ссуд хозяйственно-устройства татар» [24, с. 44-45].

Еще дальше в своих идеях пошел член «Евпаторийского уездного комитета о нуждах с/х промышленности» К. Н. Куломзин. В составленной им «Докладной записке» ярко и убедительно описывалось бедственное положение крымских татар. Главную причину такого состояния К. Н. Куломзин видел в обезземеливании народа. Следствием этого процесса стали крайняя нужда, массовая эмиграция, болезни и т.д. Поэтому, чтобы «спасти крымских татар от постепенного вымирания» необходима была, по мнению автора записки, «скорая помощь» в виде предоставления крестьян-

нам земли. В программе наделения земель крымских татар К. Н. Куломзин предлагал, помимо фонда вакуфных земель «упраздненных мусульманских учреждений», использовать и вакуфы действующих мечетей и мусульманских училищ, которых только в Евпаторийском уезде насчитывалось 34 000 дес. [27, с. 5]. При этом автор не беспокоился, что такое использование вакуфных земель являлось бы нарушением мусульманских традиций и правил шариата. Эти осложнения К. Н. Куломзин считал «предрассудком», раздуваемым самим мусульманским духовенством. «...В пользовании этими (т.е. вакуфными – Д.К.) землями само духовенство давно уже уклонилось от требований шариата, на который оно так часто любит ссылаться», – считал земец [27, с. 5]. Вакуфный капитал К. Н. Куломзин предлагал направить на покупку земель для нуждающихся крымских татар [27, с. 5].

Близкие предложения поступили и от «Перекопского уездного комитета о нуждах с/х промышленности» [28; цит. по: 19, с. 33-34]. В частности, по сообщению А. Медиева, член этого комитета М. Джемилев для «регрессирования эмиграции» безземельных крымских татар считал необходимым наделить их «вакуфными землями упраздненных мечетей», а также снабдить средствами из вакуфных капиталов [29; цит. по: 19, с. 15].

В 1901 году в Таврическое губернское земство обратились крымскотатарские крестьяне и духовенство (всего 93 человека) с прошением ходатайствовать о скорейшем наделении безземельных татар вакуфными землями [30; цит. по: 19, с. 45-49]. Причем добивались рядовые жители права безвозмездного пользования вакуфами, что противоречило замыслам МВД и его структурного подразделения – Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ). Земство откликнулось на прошение и выступило с ходатайством перед министром внутренних дел и Комитетом министров об удовлетворении просьбы 93-х крымских мусульман. Также Таврическая губернская земская управа предложила упразднить «Вакуфную Комиссию», а сами крымские вакуфы передать в «Особое управление» при ТМДП, где председателем должен быть муфтий, а состав учреждения сформировать из представителей таврического дворянства, губернского земства, министерства внутренних дел, кадиаскера, уездных кадиев, а также назначенного правительством юрисконсульта [30; цит. по: 19, с. 48-49]. Аналогичные предложения были в феврале 1902 г. направлены и Таврическому губернатору [14, л. 152].

Таким образом, в обсуждении вакуфной проблематики был задействован широкий спектр крымского сообщества. Эта тема волновала и местную администрацию, и таврическое дворянство, и таврическое земство, и рядовое население. Причем все участники процесса сходились в одном параметре – необходимости упразднить или кардинальным образом реорганизовать ОКоВ, для того чтобы допустить к управлению вакуфами представителей местной общественности и власти. Особенно активную позицию в этом вопросе занимали прогрессивные крымскотатарские деятели.

На столь энергичную дискуссию и многочисленные реплики в свой адрес имперское правительство не могло не реагировать. И параллельно со всей развернувшейся

в начале XX в. «вакуфной» критикой, его структуры стали последовательно заниматься выработкой проекта преобразований в данной сфере. Однако ведомственные планы в отношении вакуфов серьезно расходились с общественным мнением.

Восстановим последовательность правительственных действий, направленных на преобразования в вакуфной сфере в рассматриваемый период.

В 1900 г. по предложению министра внутренних дел в Крым с целью инспекции делопроизводства ОКоВ отправился лично директор ДДЦИИ тайный советник А.Н. Масолов. Свои впечатления от поездки он изложил в итоговом рапорте. В целом, высокопоставленный чиновник положительно оценил результаты деятельности Комиссии. В частности, А. Н. Масолов отметил, что «...Вакуфная Комиссия представляется образцовым учреждением не только в отношении внешнего благоустройства и порядка делопроизводства, но и в смысле разумного, стройного ведения порученного ей дела. Вследствие этого ее благотворное влияние распространяется на все магометанское духовенство и отчасти на все мусульманское население Крыма, поставленного в экономическую от нее зависимость» [14, л. 15 об.]. Свою первоначальную цель – выявление, систематизация и обмежевание вакуфов, по мнению директора ДДЦИИ, Комиссия выполнила и теперь сосредоточила свои усилия на улучшении быта безземельных крымских татар путем предоставления им в долгосрочную аренду вакуфных земель [14, л. 15 об., 20].

Но именно в выполнении этой, следующей уже для Комиссии задачи, одобренной императором Николаем II, чиновник прогнозировал наступление неминуемых проблем. Суть их сводилась к ограниченности земельных ресурсов, предназначенных для предоставления безземельным крымским татарам. Дело в том, что, как говорилось выше, в прямом распоряжении ОКоВ находились только вакуфные земли упраздненных мусульманских учреждений (по данным А. Н. Масолова – около 28 000 десятин). Значительная часть их уже была роздана нуждающимся, что имело «большой экономический эффект» [14, л. 16 об.]. Учитывая поддержку правительством данного проекта, он активно продвигался, и объем свободных земель указанной категории быстро сокращался. Таким образом, в резерве оставалась только вакуфная земля «существующих установлений» (еще около 60 000 десятин), которая находилась в распоряжении мусульманского духовенства. Это обстоятельство не могло остаться без внимания имперского правительства.

Необходимо заметить, что к этому моменту в чиновничьих кабинетах Санкт-Петербурга окончательно утвердилась идея, что мусульманское духовенство Крыма несостоятельно в качестве распорядителя вакуфными имуществами. По характеристике сотрудников ДДЦИИ мусульманские духовные лица «...ищут исключительно материальную выгоду и не идут навстречу планам правительства об обеспечении безземельных татар землей... Стесняют их землепользование и обездоливают их», проявляют «корыстность и полную беспорядочность в пользовании вакуфами...» [14, л. 75].

Подобной точки зрения придерживался и А. Н. Масолов как глава ведомства. «Даже если «Особая Комиссия о вакуфах» их (т.е. мусульманского духовенства –

Д.К.) земли сдаст в аренду за цену чуть больше двух рублей (а это мало для Крыма), то получит доход в 2 раза больший, чем получает сейчас духовенство», – писал он в своем рапорте [14, л. 20]. Вырученные таким образом дополнительные средства, по мнению А. Н. Масолова, можно было пустить на увеличение содержания ТМДП, на введение во всех медресе и части мектебе преподавания русского языка, на хозяйственные мероприятия (рытье колодцев, обсадку деревьями вакуфных поселений в степи), и, наконец, на покупку земли для безземельных крымских татар [14, с. 22 об.].

В связи с этим директор ДДДИИ изложил свои идеи председателю ОКоВ В. П. Ласковскому (возглавлял Комиссию с 1894 г. [32, л. 1-1 об.]) и поручил ему разработать проект управления вакуфными имуществами, способствующий увеличению эффективности их эксплуатации.

Вполне понятно, что получив предписание от начальства с прозрачным намеком, в каком ключе необходимо решать проблему повышения экономической отдачи от вакуфных имуществ, В. П. Ласковский быстро разработал соответствующий документ. Проект «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» В.П. Ласковского [14, лл. 52-57] подтверждал правительственную фикцию о том, что духовные вакуфы – неприкосновенная собственность мусульманского духовенства Крыма (§3). Но при этом, предусматривалось изъятие у мусульманского духовенства функций по непосредственному распоряжению вакуфной недвижимостью в пользу особого созданного «Управления духовными вакуфами Крыма» (по сути – преобразованная ОКоВ), в прямом подчинении которого, таким образом, сосредотачивались все духовно-вакуфные имущества полуострова (§4). Управление должно было располагаться в Симферополе и находиться в структуре МВД (§4). Духовенству планировалось перечислять исключительно доходы, извлекаемые Управлением «по правилам благоустроенного хозяйственного учреждения» из соответствующих вакуфов. Вырученные средства затем расходовались согласно их предназначению (§§ 6, 12). За эти услуги по администрированию Управление удерживало 10% от заработанных денег (§13) [14, л. 54]. Так же предусматривались другие изъятия на различного рода хозяйственные цели, содержание ТМДП и Управления, а также налоги (§§ 12, 17).

Данный документ был «подробно рассмотрен» таврическим губернатором П. М. Лазаревым (находился на данном посту с 30.12.1889 г. по 19.12.1901 г.) и директором ДДДИИ (по-видимому, когда последний еще находился в Крыму) и нашел полную их поддержку. «...Мы единогласно пришли к заключению, что при таких условиях не может возникнуть никаких усложнений со стороны магометанского духовенства, а если возникнут, то ввиду настроения массы населения... не может иметь никакого значения и не должно останавливать столь полезного дела», – отмечал А. Н. Масолов [14, л. 21].

Далее проект «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» был направлен для оценки и согласования в министерство финансов, министерство юстиции и в службу Государственного Контроля Российской империи. В течение 1901-1902 гг. в этих властных структурах документ был рассмотрен. У каждого ве-

домства нашли свои замечания, но касались они, главным образом, частных. Например, министр финансов С. Ю. Витте считал завышенными классы должностей и оклады чиновников будущего «Управления духовными вакуфами», в то же время не возражал против повышения окладов в ТМДП, хотя и «значительно увеличенных против норм... других магометанских управлений» [14, л. 119 об.]. Службу Государственного Контроля удивили «метаморфозы» в планах МВД в отношении вакуфов. Если еще в 1894 г. министерство планировало изъять вакуфы в пользу правительства с выдачей соответствующей компенсации мусульманскому духовенству, то в предложенном проекте уже поддерживался тезис о духовных вакуфах как неприкосновенной собственности духовенства [14, лл. 120-123 об.]. Министерство юстиции также откликнулось на проект своими предложениями, которые, несмотря на то, что получились наиболее пространными, не содержали решительных возражений по существу вопроса [14, лл. 124-132 об.].

В целом же подготовленный В. П. Ласковским документ в своих главных принципах нашел поддержку профильных государственных структур: «...означенные ведомства не имеют вообще возражений против главных оснований указанного проекта...», – отмечалось в заключении министерства внутренних дел [14, л. 135 об.].

Тем неожиданнее была итоговая резолюция (от 18 ноября 1902 г.) министра внутренних дел В. К. Плеве, в которой высокопоставленный чиновник признал «устройство вакуфного управления слишком сложным и дорогим», потребовал «упростить его» и связать с общегубернской системой власти путем предоставления губернатору больших возможностей в сфере управления и распоряжения вакуфами [14, л. 135]². В резолюции были выделены пять главных принципов, исходя из которых, предполагалось осуществлять управление вакуфами в Крыму:

1) вакуфы – неприкосновенная собственность мусульманского духовенства Крыма;

2) хозяйственное управление духовными вакуфами осуществляется особым учреждением, через посредничество которого духовенство получает предназначенную ему часть доходов;

3) безземельные крымские татары имеют преимущественное право арендовать вакуфные земли (в этом случае аренда – долгосрочная, проводится без торгов и не предусматривает залогов);

4) все эксплуатационные и др. расходы по обслуживанию вакуфов, а также содержание ТМДП производятся за счет доходов вакуфных имуществ и капиталов;

5) порядок управления вакуфными землями устанавливается «применительно к правилам о порядке управления и пользования казенными землями и оброчными статьями...» [14, лл. 135, 135 об.].

2 декабря 1902 г. проект В. П. Ласковского вместе с предложениями министра внутренних дел был возвращен в Крым для внесения соответствующих изменений

² Т.е. то, на чем настаивал таврический губернатор В. Ф. Трепов.

[14, л.154]. ОКоВ работала над новой редакцией проекта почти год и 6 октября 1903 г. направила в столицу в ДДДИИ очередной, кардинально переработанный вариант «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» [14, лл. 154-159 об.]. Изменения касались не только пожеланий министра внутренних дел (так, например, хотя духовные вакуфы и оставались под общим надзором МВД, но оперативное управление этими имуществами сосредотачивалось в «Особом отделении» при Таврическом губернском присутствии (ст.6)), но были также учтены и замечания министерства финансов, министерства юстиции и Государственного Контроля. 1 декабря 1903 года обновленный и одобренный столичным начальством проект был отправлен таврическому губернатору В. Ф. Трепову «для местного обсуждения» [14, л. 198; 33, л. 1].

Как мы видели, в Крыму вопрос о дальнейшей судьбе ОКоВ и новых правилах управления вакуфами, уже давно и активно обсуждался местной общественностью. Однако предметно, с участием губернской администрации, этот вопрос был рассмотрен только в 1904 г. в рамках особой Комиссии «по татарскому вопросу», учрежденной в Симферополе под председательством таврического губернатора [30, цит. по: 19, с. 43; 34, цит. по: 19, с. 58]. Но, по-видимому, слишком противоречив был предмет обсуждения, слишком много мнений высказывалось по этому поводу, из-за чего в 1904 г. консенсуса найти не удалось, и ответ губернатора с оценкой проекта управления вакуфами так и не был отправлен в ДДДИИ.

Зато в самом начале января 1905 г. уже в Санкт-Петербурге на заседании Комитета министров была обсуждена записка главы МВД П. Д. Святополка-Мирского, составленная по мотивам ходатайства таврического земства, о возможности предоставления безземельным крымским татарам права безвозмездного пользования вакуфами и передаче их управления в особый орган при ТМДП [14, л. 195, 195 об.; 31, цит. по: 19, с. 59]. В вопросе безвозмездного пользования Комитет министров согласился с мнением министра внутренних дел о том, что предоставление такого права «близко подходит к дарению», и «едва ли оправдано», учитывая особый религиозный статус вакуфа и связанные с этим ограничения [14, л.195, 195 об.]. Доводы же земства, подкреплявшие ходатайство, о том, что существующий порядок пользования вакуфными землями не соответствует мусульманской традиции и идет в разрез завещаниям учредителей, были признаны ошибочными и голословными [31; цит. по: 19, с. 59]. По поводу реорганизации управления вакуфами было отмечено, что ОКоВ уже подготовила соответствующий проект, который должен быть представлен императору на утверждение. Причины, которые задерживали рассмотрение проекта, будут «незамедлительно устранены» [14, л.195 об.].

В 1905 г. сложностей в рассмотрении вакуфного вопроса добавили январские события в Санкт-Петербурге. В результате начавшейся революции имперская власть была вынуждена пойти на ряд демократических уступок для своих подданных, в том числе в конфессиональной и национальной сферах. У крымскотатарского народа появилась надежда на положительное решение ряда проблем. В Крыму максимально активизировались национальные общественные деятели, которые получили

возможность публично заявить о тяжелом положении местных мусульман, и, самое главное, возможность быть выслушанными властью.

Проблем и требований в Крыму накопилось столь много, что, конечно, вакуфная тематика не стала среди них главной или единственной. Так, из 18 (17?) просительных пунктов петиции к российскому правительству, составленных в апреле 1905 г. по результатам съезда представителей крымскотатарского народа, только 2 были посвящены вакуфам [35; см. также: 7, с. 84-85; 36; 6, с. 44-46]. Также вакуфы стали важной (но не основной) частью другого интересного документа – прошения мусульманского духовенства, дворянства и др. сословий Крыма к председателю Совета министров С. Ю. Витте [37, лл. 1, 1 об.]. Прощение это появилось по инициативе таврического муфтия А. Карашайского и выражало позицию консервативной части мусульман полуострова, шедшую вразрез с тезисами апрельской петиции съезда представителей крымских татар [6, с. 47-49].

Таким образом, весомость проблемы оставалась достаточно велика и не оказалась «размыта» в общем потоке обращений к центральной власти. Российское правительство продолжало интересоваться вакуфным вопросом в Крыму. И, например, дважды, в январе и декабре 1905 г. директор ДДДИИ запрашивал у таврического губернатора информацию о судьбе обсуждения проекта В. П. Ласковского, но внятного ответа получено так и не было [14, л. 198, 198 об.; 33, л. 1]. В целом же, вопросами будущего реформирования управления вакуфами не только Крыма, но и других российских регионов, было поручено заниматься учрежденному в Санкт-Петербурге в мае 1905 г. «Особому Советанию по делам веры» под председательством графа А. П. Игнатьева [38; 39; 6, с. 56-57].

Новый импульс и новое направление в попытках решить вакуфную проблему связаны с именем Петра Аркадьевича Столыпина. С июля 1906 года знаменитый реформатор стал выполнять функции премьер-министра Российской империи. Уже в ноябре 1906 г. в правительственном офицозе – газете «Россия» публикуется развернутая статья «Магометанские вакуфы России», в которой излагалось новое видение проблемы, близкое точке зрения властей. В частности, заявлялось намерение правительства распорядительную часть по управлению вакуфами передать представителям мусульманского населения, а у государства сохранить функции надзора за вакуфными имуществами, с тем, чтобы они использовались в соответствии с волей учредителя [38; 39].

В декабре 1906 г. к П. А. Столыпину обратился таврический муфтий А. Карашайский с ходатайством провести в Симферополе съезд мусульман Крыма для обсуждения вакуфного вопроса. Право принять решение о целесообразности организации данного мероприятия премьер-министр предоставил таврическому губернатору [14, лл. 204-205].

Не давали снять остроту с вакуфной проблемы и «заволоклить» ее в чиновничьих кабинетах активная позиция общественных и политических деятелей, не только в Крыму, но и в столице империи.

Так, летом 1906 г. председатель симферопольской земской управы М. Карашайский получил телеграмму от депутата Государственной Думы известного в Крыму предпринимателя, филантропа и политика С. С. Крыма, в которой последний интересовался, каким образом на полуострове оптимально решить вопрос с вакуфными землями для крымских татар. На что М. Карашайский отвечал, что необходимо изъять вакуфы из управления ОКоВ и передать их в ведение выборного «особого учреждения» [40, с. 351/9]. Но наиболее резонансным проявлением подобных действий, пожалуй, можно назвать выступление 9 апреля 1907 г. А. Медиева с трибуны Государственной Думы [41, стб. 1788-1795; 42, с. 254-255]. Свою яркую речь депутат посвятил аграрному вопросу, акцентировав внимание слушателей на примерах масштабного обезземеливания мусульманских крестьян и их нищенского существования. Особое внимание парламентарий уделил крымским вакуфам. В частности, рассказал о стремительном сокращении их числа и злоупотреблениях при управлении ими. А. Медиева возмутило то обстоятельство, что при остром недостатке земельного фонда, находившегося в пользовании крымских татар, вакуфной недвижимостью и деньгами в Крыму распоряжалась «Вакуфная комиссия», которая не согласовывала свои действия с местным населением. «Вакуфные земли расхищаются, а те, которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу», – зачитывал депутат с парламентской трибуны слова из наказа обратившихся к нему крымских татар [41, стб. 1793]. О том, что эта речь стала заметным событием в общественно-политической жизни России можно судить хотя бы по тому факту, что она была прокомментирована В. И. Лениным, который оценил ее как «революционную...» в защиту «земли и воли» [43, с. 389; 44, с. 124-125].

Продолжившееся в 1906-1907 гг. активное муссирование вакуфного вопроса в прессе и в обществе вынудило премьер-министра лично вмешаться в ход событий. В своем письме, направленном 12 января 1908 г. таврическому губернатору В. В. Новицкому, П. А. Столыпин отмечал, что «вопрос о вакуфах в последнее время сделался предметом оживленных толков как в мусульманских повременных изданиях, так и в магометанских общественных кружках, указывающих на необходимость изменения существующего ныне порядка управления означенными имуществами» [33, л. 1 об.]. И далее обязал крымского чиновника не позднее 1 марта 1908 г. представить письменное заключение по указанной проблеме [33, л. 1 об.].

Реагируя на предписание министра, В. В. Новицкий 25 и 26 февраля 1908 г. провел в Симферополе «Особое совещание по вакуфному вопросу». В совещании приняли участие представители всех заинтересованных и компетентных в проблеме сторон. Так, председательствовал сам таврический губернатор, присутствовали вице-губернатор П. Н. Масальский, управляющий государственными имуществами в Таврической губернии Н. Н. Ярцев, председатель губернской земской управы Я. Т. Харченко, прокурор симферопольского окружного суда В. С. Никулин, и.о. председателя ОКоВ С. А. Плаксин (сменил в 1904 г. заболевшего В. П. Ласковского [32, лл. 90, 91, 93, 96]), и.о. таврического муфтия А. Карашайский, начальник

отделения казенной палаты Э. Н. Нерсесов, чиновник особых поручений управления государственных имуществ Н. С. Беляев. Также приглашены были известные и авторитетные общественные и национальные деятели: ученый-аграрий и активный землец М. В. Неручев, бывший городской голова Бахчисарая и действующий Алушты М. Давидович, член Крымского отделения «Иттифак эль муслимин» А. Муфтий-заде [см.: 45, с. 68], бывший муфтий М. Кипчакский, председатель симферопольской уездной земской управы М. Карашайский, избранный от дворян гласный той же управы А. Тайганский, а также Ш. Б. Крымтаев [33, лл. 9-10].

В результате было утверждено два проекта управления вакуфами: 1) «Положение об управлении духовно-благотворительными вакуфами в Крыму» и 2) «Правила о частных в Крыму вакуфах». Однако в процессе обсуждения и принятия окончательного решения между членами совещания проявились все те противоречия, которые не давали выработать единого мнения по вакуфному вопросу и ранее. В частности, «Положение об управлении духовно-благотворительными вакуфами в Крыму» предполагало учреждение при ТМДП «Особого Присутствия», которое, собственно, и должно было осуществлять управление этими имуществами. «Особое Присутствие» задумывалось как коллегиальный орган под руководством таврического муфтия, в который должны были входить представители от мусульманского духовенства, сельского и городского крымскотатарского населения, а также специально назначаемый министром внутренних дел «непременный член». А. Муфтий-заде во время совещания предложил, чтобы «непременный член» назначался не правительством, а избирался обществом. Из числа присутствовавших крымских татар его предложение поддержали М. Кипчакский и М. Давидович. В то же время муфтий А. Карашайский, Ш. Б. Крымтаев, А. Тайганский и М. Карашайский не согласились с таким мнением и считали назначение «непременного члена» правительством более правильным [33, лл. 9 об., 10].

Возникла дискуссия и в отношении частных вакуфов. Разногласия касались, в первую очередь, судьбы имущества после прекращения рода, который им пользовался. Участниками совещания выдвигались три позиции, в соответствии с которыми необходимо было поступать: 1) передавать такие вакуфы в распоряжении казны (как выморочное имущество); 2) оставлять в распоряжении законных наследников на основании общероссийских правил о наследовании; 3) отдавать на благотворительность (предложение А. Муфтий-заде). В итоге вопрос решился в результате голосования: председатель и еще 10 участников заседания поддержали предложение передавать частно-вакуфное имущество в случае пресечения рода пользователей в распоряжение законных наследников. За идею А. Муфтий-заде проголосовало только 6 человек [33, л. 10].

Несогласные с содержанием проектов могли выразить свою позицию письменно в особых мнениях. Воспользовался такой возможностью М. Давидович. Суть его записки – передать управление духовными вакуфами в губернское земство, как наиболее приспособленное к выполнению этой задачи. «Особое мнение» участника совещания Н. С. Беляева было посвящено частным вакуфам. Он считал, что пред-

ложенный правительству проект, по сути, придумывает новый институт. И частные вакуфы необходимо, в случае пресечения рода владельцев, все-таки предавать в распоряжение казны [33, лл. 38-43]. Такая позиция не удивительна, учитывая, что Н. С. Беляев был чиновником управления государственных имуществ.

Протокол Особого Совецания, вышеназванные «особые мнения» участников, а также выработанные проекты управления вакуфами таврический губернатор 2 марта 1908 года отправил к П. А. Столыпину.

Более широкими возможностями для изложения своей позиции главе российско-го правительства в отношении вакуфного вопроса обладал депутат Государственной Думы Исмаил Муфтий-заде. Весной 1908 г. крымскотатарский парламентарий добился личной аудиенции с П. А. Столыпиным, где изложил ему свою точку зрения. В докладной записке премьер-министру И. Муфтий-заде указывал на бесполезность дальнейшего функционирования «Особой Комиссии о вакуфах» в Крыму. Предлагал все ее дела сосредоточить в ведении губернского земства [33, л. 8]. Такое мнение депутата вполне объяснимо. Общеизвестно, что И. Муфтий-заде являлся благотворителем с большим опытом. И удачно и эффективно действовал, в том числе, через земство, оказывая реальную помощь мусульманам в Крыму [46]. Поэтому понятно его желание передать управление вакуфами земству – проверенному им на личном опыте общественному институту.

Информация об этом событии просочилась в прессу (в частности, в кадетскую газету «Речь» [33, л. 8]) и вызвала неоднозначный отклик в Крыму. Дело в том, что реализация предложения И. Муфтий-заде напрямую задевала интересы мусульманского духовенства, которое в результате возможных преобразований максимально дистанцировалось от управления духовными вакуфами. Духовные лидеры крымских мусульман считали такие действия И. Муфтий-заде прямой угрозой своему праву пользоваться и получать доходы от духовно-вакуфных имуществ. Поэтому их реакция последовала незамедлительно. Уже 31 марта 1908 г. к П. А. Столыпину было направлено «Прошение мусульманского духовенства, дворянства и прочего сословия татар Феодосийского уезда», в котором выражалось возмущение действиями И. Муфтий-заде. Сообщалось, что депутата никто не уполномочивал обращаться к премьер-министру, что татарское население против его предложения. В то же время отмечалось, что новость об обсуждении вакуфной проблемы затронула «один из самых болезненных вопросов татарского быта, породила большую тревогу среди всех крымских татар без исключения». Далее в документе утверждалось, что вакуфный вопрос «с точки зрения татарских нужд и шариата» давно уже проработан: «Единодушные пожелания всех татар Крыма нашли выражение в проекте нашего муфтия Адила мурзы Карашайского», согласно которому вакуфы «принадлежат татарам» и управляются ТМДП [33, лл. 46-47 об.]. Прошение с таким же текстом, но уже от «мусульманского духовенства, дворянства и прочих сословий татар» всей Таврической губернии с подписями на 8-ми листах поступило в канцелярию премьер-министра в апреле 1908 г., а затем в мае того же года.

Наконец, в сентябре 1908 г. мусульманским духовенством было направлено прошение к таврическому губернатору, где отмечалось, что его мнение в отношении вакуфного вопроса, высказанное во время февральского «Особого Сопевания», «наиболее близко» мусульманскому духовенству. Что последнее возражает против планов передать управление вакуфами «в особое присутствие с выборными лицами, а тем более сосредоточение мусульманских вакуфов в одном общем учреждении» [33, л. 64 об.]. Все это противоречит шариату. И поэтому духовенство просит губернатора управление всеми вакуфами «непременно» сосредоточить в ТМДП, «без всякого участия выборных...» [33, л. 65]. Подписало прошение более чем 100 духовных лиц, в том числе хатип и имам симферопольской мечети Кебир-Джами Абдул Куддус эфенди, имам евпаторийской ханской мечети Муртаза эфенди Абла оглу и др.

Все описанные события в очередной раз иллюстрировали отсутствие единой позиции по вакуфному вопросу не только в крымском сообществе, в целом, но даже среди самих крымских татар. Как видно, с одной стороны, прогрессивная национальная общественность в лице таких ее лидеров, как А. Медиев, И. и А. Муфтийзаде, М. Давидович, отчасти И. Гаспринский и др.³, ратовала за ряд ограничений в пользовании вакуфами мусульманским духовенством, за активное распределение духовно-вакуфных земель среди безземельных крымскотатарских крестьян. С другой стороны, такая позиция встречала резкую неприязнь и отпор среди мусульманского духовенства, которое не хотело лишаться стабильной финансовой подпитки и считало пользование вакуфами своим естественным и традиционным правом. Любые попытки оспорить это право, по их мнению, являлись наступлением на религию и нарушением шариата. Собственные возражения по вакуфному вопросу высказывали и таврический губернатор, и представители министерства госимуществ и др. участники процесса.

В этой связи интересно понять взгляды П. А. Столыпина на вакуфы. Кого глава правительства мог или хотел поддержать в данных обстоятельствах? Необходимо отметить, что П. А. Столыпин изначально придавал большое значение мусульманскому вопросу в России. От успешности решения этого вопроса во многом зависела стабильность всей государственной системы. Определяя направление, в котором необходимо было двигаться власти для поиска новых форм сотрудничества с огромным мусульманским миром империи, П. А. Столыпин исходил из внутреннего восприятия проблемы [59, с. 196-205]. А в этом восприятии сильны были мифологемы и фобии в отношении ислама, характерные для многих государственных деятелей того времени, к тому же подкрепленные выводами таких советников, как В. П. Череванский [см.: 48, с. 122-128], А. Н. Харузин [49, с. 316; 59, с. 198]. Известный

³ Сюда же можно отнести и Д. Сейдамета, который в первой своей известной брошюре «Крик отчаяния молодого татарского юноши: Угнетение татарского народа в XX столетии» (1911 г.) призывал к реформированию мусульманского духовенства и передаче вакуфного имущества в «общественное ведение» [47, с. 8].

российский историк Д. Ю. Арапов выделяет среди подобных опасений как «архаично-традиционные стереотипы восприятия» («магометанин» – «фанатик»), так и «новые фантомы» – «панисламизм» и «пантюркизм» [49, с. 11].

Исходя из этих позиций, имперская власть проявляла крайнюю осторожность к любым попыткам и предложениям реформировать устоявшуюся структуру управления мусульманскими делами. Царское правительство опиралось в своих действиях на старую, уже проверенную и показавшую свою надежность форму взаимодействия с миром ислама через систему духовных правлений, или же предпочитало вовсе не регламентировать духовную жизнь мусульман [50, с. 9]. Система духовных правлений была четко отлажена и показывала стабильный результат. Через нее, например, МВД осуществляло частичный контроль над духовной жизнью мусульман, а также получало информацию о настроении населения, а мусульманское духовенство, в свою очередь, имело стабильную финансовую поддержку от государства. Ортодоксальные «стародумы магометанства» считались в российском полицейском департаменте гораздо менее опасными, в сравнении с модерновыми новометодистами, джадидистами [51, с. 139]. Поэтому поиск контактов с активными прогрессивными мусульманскими деятелями представлялся власти неоправданным риском. Именно в этих общественных деятелях и их взглядах имперскому правительству виделся источник пантюркизма, панисламизма, пантатаризма. На эту особенность точно указал Д. Ю. Арапов, отмечая, что «важнейший принцип государственной политики тех лет заключался в том, что правительственные круги не хотели вступать ни в какой конструктивный диалог с представителями мусульманской общественности, видя в них лишь «радикалов» и «ниспровергателей основ»» [49, с. 11].

Следует также напомнить, что к 1908 г. уже стартовала и активно развивалась знаменитая столыпинская аграрная реформа. Принято считать, что одной из основных ее задач являлось постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земли. Между тем, по замечанию современных исследователей, вакуфы, учрежденные, например, на территории, входившей в юрисдикцию Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС), являлись средством сохранения общинного землевладения, основанного на религиозном объединении [52, с. 116; 53, р. 118]. Такая оценка, в целом, справедлива и для Крыма, где с конца XIX в. действовала программа по поселению безземельных крымских татар на вакуфных землях целыми общинами. Программа эта, напомним, была одобрена императором Николаем II [14, л. 4]. За ее расширение, вплоть до изъятия всех духовных вакуфов у мусульманского духовенства и безвозмездной раздачи их безземельным татарам, призывала и наиболее либеральная часть крымскотатарской интеллигенции. И в данном аспекте очевидно, что поощрение вакуфного землевладения, с находившимися на них татарскими крестьянами-общинниками, противоречили реформаторским устремлениям премьер-министра.

Таким образом, с учетом перечисленных обстоятельств, позиция П. А. Столыпина в отношении вакуфов должна была быть направлена на поддержку идеи сохранения

вакуфов в собственности мусульманского духовенства и ограничения поселенческой программы крымскотатарских крестьян на духовно-вакуфных землях. В условиях «тлеющей» революции российское правительство опасалось, что любое наступление на религиозное имущество могло привести к возмущению населения, которое мусульманское духовенство обязательно бы настроило против власти. Поэтому П. А. Столыпину в условиях нестабильного внутреннего состояния государства, выгоднее было воздержаться от каких-либо радикальных шагов и реформ как в вакуфной сфере, в частности, так и в мусульманском вопросе, в целом. При этом он вынужден был вести политическую беседу с отдельными активистами из крымских татар (которые, конечно, в сравнении с мусульманским духовенством не имели такого влияния на массы), демонстрировал внешнюю готовность к диалогу и преобразованиям, тем самым «заговаривал» проблему, но реально ничего не предпринимал.

В целом, именно такую тенденцию в общеимперском масштабе фиксируют современные историки [54, с. 114, 115, 124-126; 55, р. 164-165; 56, с. 52-53; 48, с. 42; 52, с. 102]. В частности, тот же Д. Ю. Арапов отмечает, что «с 1905 г. практически ни одно серьезное предложение по изменению системы государственного регулирования ислама в России так и не было реализовано, причем это касалось как мусульманских проектов, так и предложений самих царских администраторов». И объяснялась чиновниками данная ситуация тем, что «частные вопросы духовной жизни мусульман нельзя решить без подготовки общего кардинального «решения по мусульманству», и это произойдет, но не сейчас, а в будущем». Подобного рода отговорки, по словам исследователя, «продолжали звучать до самого конца самодержавия в России» [49, с. 11].

В рамках отмеченной политики «заговаривания» проблемы развивался и вакуфный вопрос. Ни в 1908 году, ни позднее правительством П. А. Столыпина никаких конкретных шагов по реформированию вакуфного управления сделано не было.

Последняя попытка царских властей обсудить вакуфный вопрос на высоком уровне относилась к 1914 году и была связана с работой «Особого Сопещения по мусульманским делам», проходившего в Санкт-Петербурге в апреле-мае указанного года. Организатором сопещения выступил ДДДИИ. Приглашены к участию были представители всех основных ведомств, так или иначе курирующих мусульманский вопрос в империи, губернаторы «мусульманских окраин» России или их уполномоченные, представители мусульманского духовенства и ряд других заинтересованных участников [57, с. 17]. В результате был обсужден широкий круг проблем и утверждена «Общая сводка положений» Особого Сопещения [58, с. 245-251]. Таврическую губернию в работе Сопещения представляли таврический вице-губернатор С. С. Дьяченко и и.д. симферопольского кадия Омар эфенди. Последний прибыл вместо приглашенного, но заболевшего таврического муфтия А. Карашайского [57, с. 20,21]. Вакуфная тема не являлась центральной в затронутых проблемах. И акцентированно прозвучала лишь дважды.

В первый раз – во время заседания, прошедшего 2 мая 1914 г. На этом заседании

и.д. симферопольского кадия Омар эфенди сообщил, что в ТМДП не поступает из ОКоВ информация о порядке распределения пользования вакуфами между отдельными духовными чинами. В связи с чем, Правление не могло в ряде случаев разрешить возникавшие споры между духовными лицами в отношении прав эксплуатации вакуфных имуществ. Омар эфенди просил обязать ОКоВ предоставлять такую информацию. Мнение Особого Совещания по этому вопросу было однозначным: ТМДП не вправе получать подобные и другие сведения о вакуфах, поскольку, в соответствии с действовавшими законами, вакуфы не состояли в ведении Правления. Единственным уполномоченным в отношении вакуфов органом оставалась ОКоВ, куда и следовало обращаться спорящим сторонам [58, с. 74-75].

Во второй раз о вакуфах заговорили на заседании 12 мая 1914 г., когда в обсуждении уже не принимали участие представители мусульманского духовенства. Собственно, в этот день не было задействовано вообще ни одного мусульманина. Особое Совещание коснулось полномочий ОМДС применительно к вакуфам. Выяснилось, что оренбургское правление самостоятельно возложило на себя ряд хозяйственных и административных функций в отношении данного вида имуществ, хотя эти обязанности не были регламентированы российским законодательством. При этом участники заседания разделились в оценке обстоятельств дела. Одни посчитали подобную практику «требованиями самой жизни». Поскольку в условиях законодательного вакуума в вакуфном вопросе, ОМДС, «естественно, должно было принять со своей стороны известные меры в смысле установления необходимого надзора за ... использованием таких имуществ» [58, с. 158]. Однако большинство заседателей выразили беспокойство применением в данном случае принципа «что не запрещено, то дозволяется». Они были против «централизации вакуфного дела», поскольку, по их мнению, такая практика могла привести к усилению значения ОМДС, что «не отвечает государственным интересам» [58, с. 159].

Таким образом, после 20-летнего периода обсуждения, критики действовавшей системы управления вакуфами, поиска оптимальных и взаимоприемлемых форм администрирования этого имущества имперская власть, через уполномоченных чиновников, не просто подтвердила все прежние права «Особой Комиссии о вакуфах», но также озвучила свой принципиальный отказ концентрировать управление вакуфами в мусульманских духовных правлениях.

С учетом изменившихся в 1914 г. внешнеполитических обстоятельств, реализация решений «Особого Совещания по мусульманским делам», включая и решения по вакуфному вопросу, на несколько лет утратила свою актуальность. Новые инициативы по реорганизации вакуфного управления связаны были с обострением национально-религиозных проблем уже в период революции и Гражданской войны в России.

В целом же, можно констатировать, что вакуфный вопрос в наступившем XX в. являлся важным элементом выстраивания сложного диалога российского правительства со своими мусульманскими подданными. Тема крымских вакуфов не являлась местечковой, а звучала на общеимперском уровне.

Наибольшее раздражение среди крымскотатарской общественности, мусульманского духовенства, земских активистов Таврической губернии вызывало то обстоятельство, что основные функции по управлению благотворительным имуществом крымских мусульман были сконцентрированы в казенном учреждении, подчиненном непосредственно министерству внутренних дел. Таким образом, реальная возможность влиять на вакуфное управление у местной общины практически отсутствовала.

Следует отметить отсутствие единой точки зрения внутри крымского общества на суть предполагаемых изменений по управлению и распределению вакуфных имуществ. Разногласия имели устойчивый характер и укладывались, прежде всего, в рамки хорошо известного в историографии противостояния консервативного мусульманского духовенства и прогрессивных общественно-политических национальных деятелей. Первое хотело сосредоточить управление вакуфами в ТМДП, вторые стремились активно привлечь к администрированию вакуфными имуществами земские, общественные благотворительные учреждения.

В то же время российское правительство предпочитало оставить управление вакуфами в компетенции государства. Несмотря на многочисленные официально задекларированные намерения царского правительства изменить систему управления вакуфами, никаких конкретных шагов в этом направлении так и не было сделано. Высочайше утвержденная «Особая Комиссия о вакуфах» по-прежнему оставалась единственным легитимным органом в вакуфной сфере. Фактически получалось, что наиболее критикуемое и требующее реформирования учреждение, давно уже выполнившее изначально возложенные на него обязанности, к тому же имевшее временный статус, продолжало функционировать в XX в.

Одновременно необходимо заметить, что идея реформирования управления вакуфами таким образом, чтобы эти имущества и получаемые от них доходы максимально были направлены на удовлетворение первоочередных нужд беднейших слоев крымскотатарского населения, находила все большую поддержку в крымском сообществе. Причем не только среди крымскотатарских политических активистов и интеллектуалов, но и среди немусульманских общественных деятелей. Что позволяет говорить о зарождавшемся на местном уровне консолидирующем самосознании, в рамках которого появилась возможность продуцировать региональные, локальные смыслы, объединявшие местное население вне зависимости от национальности и конфессии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Большаков О. Г.* Вақф // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
2. *Яновский А. Е.* Вакуф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1891. Т. V.
3. *Вормс А.* Вакуфы // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А.и И. Гранат и Ко». Изд-е VII. М., 1910-1948. Т. VII.

4. *Ганкевич В. Ю.* Висвітлення питань шариату та фікху на шпальтах газети «Терджиман» // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения. Сборник научных статей. Симферополь, 2009.
5. *Ганкевич В. Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в 19 – начале 20 вв.). Симферополь, 1998.
6. *Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П.* Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008.
7. *Тимошук О. В, Таран П. Є.* Кримськотатарська політико-правова думка кінця XVIII – початку XX століття: особливості генезису та автономістські процеси еволюції. Харків, 2004.
8. *Абдуллаева З. З.* Вакуфный вопрос в освещении газеты «Переводчик-Терджиман» // Актуальные вопросы истории крымских татар. К 120-летию типографии газеты «Терджиман»: 1-е научные чтения. Симферополь, 2002.
9. *Абибуллаева Д. И.* Проблема эмиграции крымских татар на страницах газеты «Терджиман» // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского: Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23 (62). № 1: спецвыпуск «История Украины».
10. № 3956. 29 сентября 1886. Высочайшее повеление, объявленное министром государственных имуществ. «О возложении на Крымскую Вакуфную Комиссию розыскания и приведения в известность частных вакуфов в Крыму» // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. VI: 1886.
11. *Конкин Д. В.* Некоторые особенности функций мутевелли по управлению вакфными имуществами в Крыму (по материалам Государственного архива в Автономной республике Крым) // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XIX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2010.
12. № 7604а. 5 апреля 1891. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. «Об утверждении временных правил для заведывания духовными вакуфными имуществами» // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1898. Т. XIV: 1894. Дополнение к XI т. (1891 г.)
13. Высочайше утвержденное 5 апреля 1891 г. Положение Комитета Министров Временного правила об Управлении и заведывании духовными вакуфными имуществами Таврической губернии. Бахчисарай, 1891.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 931.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 907.
16. *Кучеренко А. Н.* Крымские татары. Третья волна эмиграции // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: Сб. науч. статей. Симферополь, 2008.
17. *Гаспринский И.* О вакуфах // Переводчик-Терджиман. 20 сентября 1890. № 31.
18. *Гаспринский И.* Дворянские выборы // Переводчик-Терджиман. 31 января 1903.
19. *Медиев А.* Крымские письма. Симферополь, 2005.
20. Крымский вестник. 6 января 1902. № 5.
21. Санкт-Петербургские ведомости. 29 декабря 1901. № 356 (суббота).
22. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II: В 2-х т. Т. II, Ч. III: Думская Монархия (1907-1914 г.). Мюнхен, 1949.

23. А. С. [Соколов А.] Неручев // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XX-A: «Наказной атаман – Неясыти».
24. Неручев М. В. Безземельные татары и устройство их быта // Вестник Таврического Земства. 1904. № 5 (март).
25. Неручев М. В. Очерк поземельных отношений в Таврической губернии. На основании собранных Губернскою Земскою Управою материалов. Симферополь, 1907.
26. Неручев М. В. Земельный вопрос. Симферополь, 1906.
27. Куломзин К. Н. Докладная записка о положении безземельных татар в Евпаторийском уезде, представленная в Евпаторийский Уездный Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Б.м., 1902.
28. Маади. Крымские письма. Эмиграция татар и ее причины. I. // Каспий. 18.VI.1903. № 131.
29. Медиев Р. Крымские письма // Каспий. 13.XII.1902. № 268.
30. Рашид М. Крымские письма. XIII. Татарский вопрос и Таврическое земство // Каспий. 27.VI.1904. № 145.
31. Рашид М. Крымские письма. XX. Что дала крымским татарам петербургская «весна»? // Каспий. 24.II.1905. № 31.
32. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 929.
33. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 947.
34. Рашид М. Крымские письма. XV. Вакуфный вопрос // Каспий. 18.XII.1904. № 281.
35. Медиев Р. Крымские письма. XXI. Петиция крымских татар // Каспий. 07.VI.1905. № 064.
36. Ганкевич В. Ю. Депутация крымских татар в Санкт-Петербурге в 1905 г. // Материалы научно-практической конференции «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». Симферополь, 1996.
37. ГАРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 9.
38. Магометанские вакуфы в России // Россия. 18 ноября 1906. № 800.
39. Магометанские вакуфы в России // Россия. 21 ноября 1906. № 801.
40. По губернии // Вестник Таврического земства. 18 июля 1906. № 28.
41. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая: в 2-х тт. Т. 1: Заседание 1-30. СПб., 1907.
42. Таран П. Є. Депутатська діяльність А. Медієва із забезпечення ісламської релігійно-культурної автономії в Росії // Етнонаціональні чинники в історії державно-правового будівництва: Матеріали XII Міжнародної історико-правової конференції, 10-13 вересня 2004 р., м. Бахчисарай / За ред. О. В. Тимощука; Центр Українознавства Таврійського національного ун-ту ім. В. І. Вернадського. Сімферополь, 2005.
43. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: [изд. 5-е]. Т. 16: июнь 1907 – март 1908. М., 1973.
44. Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905-1917 гг. М., 1976.
45. Богданович И. А., Шендрикова С. П. Газета «Терджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 21.
46. Корольова Л. О. Діяльність І. Муфтії-заде в органах земського самоврядування (кін. XIX – поч. XX ст.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. № 54.

47. *Куршутов Т. Н.* Публицистика Джафера Сейдамета // Сейдамет Дж. Публицистика: малоизвестные статьи / Сост. Куршутов Т. Н. Симферополь, 2012.
48. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
49. *Арапов Д. Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов. М., 2006.
50. *Рыбаков С. Г.* К вопросу об устройстве духовного быта мусульман в России // Арапов Д.Ю., Ларина Е. И. С. Г. Рыбаков и его «Обзор» организации духовной жизни мусульман России (Апрель 1917 г.). Учебный материал. М., 2006.
51. *Батунский М. А.* Россия и ислам: в 3-х т. [Электронный ресурс]. Т. 2. Режим доступа: <http://читать-онлайн.рф/new/index.php?id=33065&pages=139>
52. *Наганова Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (Казань, 27-28 сентября 2005 г.). Казань, 2006.
53. *Naganava N.* Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Ma alla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2006. Т. 23.
54. *Усманова Д. М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906-1917). Казань, 1999.
55. *Usmanova D.* The Legal and Ethno-Religious World of Empire: Russian Muslims in the Mirror of Legislation (Early Twentieth Century) // Ab Imperio. 2000. № 2.
56. *Воробьева Е. И.* Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Омский государственный университет. Исторический ежегодник. Омск, 1997.
57. *Загидуллин И. К.* Предисловие // Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. прим. и сокр. И. К. Загидуллин. Казань, 2011.
58. Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. прим. и сокр. И. К. Загидуллин. Казань, 2011.
59. *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004.

Конкин Д. В.

Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века

Резюме

В статье рассмотрены различные точки зрения на проблему реформирования вакуфного управления в Крыму в начале XX в. Оценены правительственные действия, направленные на изучение и решение вакуфного вопроса, а также проанализированы предложенные проекты по преобразованию данного института.

Сделан вывод о том, что в Крыму, несмотря на многочисленные официально задекларированные намерения изменить систему управления вакуфами, предложения передать их в ведение Таврического магометанского духовного правления, местного земства, администрации, никаких конкретных шагов царским правительством в этом направлении так и не было сделано. Учрежденная в 1885 г. при министерстве внутренних дел «Особая Комиссия о вакуфах», оставалась единственным легитимным органом в вакуфной сфере. Фактически получалось, что наиболее критикуемое и требующее реформирования учреждение, давно уже выполнившее изначально возложенные на него обязанности, к тому же имевшее временный статус, продолжало функционировать и в XX в.

Konkin D. V.

**Projects of Reforming Governance by Waqfs in Crimea
at the Beginning of the 20th Century**

Summary

Different points of view on the problem of reforming Waqf governance in Crimea at the beginning of the 20th century are examined in the article. The activities of the government to study and solve the Waqfs problem were estimated; suggested projects to transform this institute were analyzed as well.

The conclusion was drawn that despite numerous official declarations to change the system of governance by Waqfs, suggestions to transfer them to Mohammedan religious board of administration, local Zemstvo, administration no particular moves were undertaken in this direction by tsarist government. "Special Commission on Waqfs" established in 1885 and attached to the Ministry of Home Affairs was the only legitimate body in the Waqf sphere. In fact, the most criticized and requiring reforms institution which had an interim status had carried out their responsibilities and had been functioning in the 20th century.